

ПЕТИЦИИ ПО УКАЗУ 18 ФЕВРАЛЯ 1905 г.¹

Для определения репрезентативности коллективных петиций как «цветочка» существовало и то обстоятельство, что из числа легально действовавших общественных организаций, получивших по указу 18 февраля право петиций, воспользовались им не все. Однако самые факты таких выступлений, их распространенность были признаками политической активности и отражали определенную степень радикализма. Обстановка, в которой принимались порой петиции, так же как во многих случаях и характер включившихся в них требований, оказывалась совершенно противоречащей целям преодоления «крамолы», которыми иногда задавались инициаторы петиций — руководители и активные деятели оппозиционных организаций, верноподданническому формуляру и даже самой петиционной форме. Петиции губернских и уездных собраний, городских дум иногда принимались незначительным большинством голосов, с особым мнением некоторых гласных радикального или, наоборот, консервативного характера. Когда председатель экстренного Черниговского уездного земского собрания 2 марта отказался огласить внесенную гласными записку (с требованием законодательного собрания с тайными выборами в него, свободой предвыборной агитации, предоставлении гражданских прав и т. д.), а они в тот же вечер утвердили ее, обратившись на частное совещание, это были еще «цветочки», как и принятие требования гражданских свобод экстренным общим собранием членов Тобольского губернского музея 2 апреля вопреки позиции председателя комитета музея.² Гораздо более серьезно обстояло дело в других случаях. 11 апреля Историко-филологическое общество при Новороссийском университете обсуждало проект преобразования средней школы, принятый педагогическим отделом Общества. Проект этот содержал весьма распространенные требования демократизации школы, и подобно многим другим обращениям специализированных общественных организаций, завершался словами о том, что, ограничиваясь, согласно своему уставу, вопросами педагогического характера, Общество считает, однако, необходимыми для проведения педагогических реформ реформы общеполитического, причем подчеркивалось, что осуществление школьных преобразований возможно лишь с участием представительства. В зале заседания оказалось около 400 человек, вошедших в него силой, среди них члены Общества как бы растворились. Как гласило особое мнение восьми членов с многозначительными ссылками на то, что дело попало в газеты, и обвинениями в происшедшем правления, чтение петиции «вызвало демонстративное выражение протеста по поводу петиционной формы ходатайства, так как известная часть публики

¹ Начало статьи см.: Вид. Л., 1989. XX. С. 150—163.

² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 7, л. 61 и след.: д. 8, л. 30 и след.

желала формы требования (см. «Сын Отечества», № 43)... затем собравшиеся в количестве нескольких сот человек покинули зал заседания и с пением и возгласами направились по Дерибасовской ул. (там же; см. также «Одесские новости», № 6640).³

О том, во что вылилось собрание рабочих Ялты 16 апреля, организованные либеральными элементами с «умиротворительной» целью после массовой политической демонстрации 13 марта, которая последовала за митингом в Мордвиновском парке и завершилась освобождением заключенных и сожжением тюрьмы, поведал в письме к Э. Ю. Нольде 25 июля сам генерал Д. Ф. Трепов. Собрание это приняло единственную известную нам коллективную рабочую петицию с 1627 подписями, в которой кроме общераспространенных пунктов были еще требования предоставления представительству прав учредительного собрания, заключения мира с Японией, рабочего законодательства и обеспечения рабочих за государственный счет в старости и при потере трудоспособности. Но не в них было дело. «Означенное заявление создано при следующих обстоятельствах, — писал Трепов. — После разгрома г. Ялты 13 марта с. г. и по прибытии к месту беспорядков и. д. губернатора вице-губернатора графа Муравьева к нему явились два гласных Ялтинской думы и ходатайствовали о разрешении собрания рабочих для обсуждения их профессиональных нужд, докладывая при этом, что они действуют по уполномочию гласных города и видят в разрешении сего собрания лучший способ внести успокоение в население. Граф Муравьев разрешил собрание, которое имело место в Мордвиновском парке, которое составилось из крайних элементов населения, которые обсуждали не профессиональные нужды рабочих, а затрагивали по выработанному шаблону политические темы, и которое расходилось при криках: „Долой самодержавие!“... было бы крайне прискорбно и соблазнительно, если подобные петиции будут докладываться Совету министров».⁴

Таким же образом реагировали высшие представители власти в тех случаях, когда усматривали участие в петиционной кампании представителей революционных организаций. Крестьяне с Чирикова Балашовского уезда Саратовской губернии восприняли указы 12 декабря 1904 г. и 18 февраля 1905 г. как «запрос о своих нуждах» и приняли 4 апреля довольно радикальную петицию, не выделявшуюся, впрочем, из ряда других, ей подобных. Единственное, что они себе позволяли, это не предъявить петицию земскому начальнику. Когда воспроизводившая ее эсеровская листовка пошла к саратовскому губернатору (им был П. А. Столыпин), он выехал в Чириково. Несмотря на то что добиться признания крестьян в проведении «тайных сборищ» ему не удалось и единственным, к чему он мог придраться, была одна из подписей под петицией — «крестьянина Павла Арефьева, который за преступную пропаганду подвергался административной высылке из Саратовской губернии под гласный надзор

³ Там же, д. 8, л. 136 и след.

⁴ Там же, д. 24, л. 532.

полиции», он писал Нольде 3 июля: «... в с. Чирикове, бывшем долгое время местом жительства известного своей революционной пропагандой врача Владимира Чепыкаева, который ныне состоит под гласным надзором полиции в Вологодской губернии, давно уже свила себе прочное гнездо социалистическая и революционная агитация, распространившаяся и на соседние селения. Сюда постоянно съезжались группы агитаторов, находившие всегда очень восприимчивых adeptов среди крестьянского населения. Между прочим, за последнее время чириковские крестьяне устроили сходку в лесу при участии оставшихся необнаруженными двух приезжих интеллигентов, знакомых местного сельского старосты, причем на месте собрания были выкинута красные флаги и между речами ораторов пелись нелегальные песни».⁵

Своеобразная история, словно отразившая политические устремления трех лагерей в революции, произошла вокруг петиции Вятского губернского земства. Чрезвычайное земское собрание здесь было созвано 15 марта. Поводом к этому послужила роль полиции и духовенства в борьбе с выступлениями учащейся молодежи. Такие выступления, почти совпавшие с актами 18 февраля, произошли не только в Вятке, но и в более острых формах в других городах. Как и после манифеста 17 октября, черносотенные и правонархические элементы организовали избиение учащихся, среди которых было много детей — гимназистов, реалистов и т. д. Глубокая нетерпимость к насилию, социальной и политической несправедливости, традиционно присущая русской интеллигенции независимо от точной политической ориентации, вызвала к жизни протестующие заявления многочисленных интеллигентских групп из разных городов. Одной из первых была телеграмма 82 харьковских врачей 22 февраля с протестом против «массовых избиений учащихся средних и высших школ, происшедших в последнее время в Саратове, Казани, Пскове, Курске и других городах при полном попустительстве и даже при непосредственном участии полиции». По поручению Д. С. Сольского Нольде до того, как представлять телеграмму царю, обратился за разъяснением к А. Г. Булыгину. Тот ответил пространном письмом с изложением событий во всех городах, изображая дело так, что якобы полиция защищала революционных демонстрантов-учащихся от возмущенного населения. И хотя он тут же признавал, что в Саратове было возбуждено дело против полиции, избившей демонстрантов нагайками, царь приказал эту телеграмму, как и заявление по этому поводу от екатеринославской интеллигенции, «оставить без последствий по неосновательности взводимых на губернские начальства и местные полиции обвинений».⁶

В телеграмме Вятского земского собрания говорилось о «крайне тревожном настроении населения, нередко обостряемом нетактичным вмешательством духовенства и полиции», об «ужасных бедствиях», грозящих «в недалеком будущем», и содержалось требование срочного

⁵ Там же, л. 477.

⁶ Там же, д. 8, л. 163 и след., 174 и след.

проведения реформ. Собрание ходатайствовало перед вятским губернатором А. Левченко об отправке телеграммы в Совет министров. Но тот прибег к почте, потому что по телеграфу не мог пояснить, «в каких условиях протекала деятельность губернского земского собрания». В письме в Совет министров 5 апреля губернатор рисовал такую картину: «Зала заседаний губернского земского собрания была постоянно наполнена публикой, импонировавшей земскому собранию. Публика не стеснялась в выражении явно одобрения или неодобрения всему происходившему в собрании, произносимым речам и принятым резолюциям. Манера ее держать себя имела, можно сказать, угрожающий характер, что с очевидностью проявилось в нанесении одним лицом из публики оскорбления действием председателю земского собрания Меньшикову. . . Те из гласных, мнения которых не соответствовали желаниям публики, воздерживались от всякого заявления, опасаясь оскорблений или насмешек с ее стороны. Публика состояла большей частью из учащих и учащихся разных учебных и профессиональных заведений, правительственных и земских, служащих в земстве по найму в качестве статистиков, медиков, фельдшеров и фельдшершц, преподавателей народных школ и прочих, поднадзорных и лиц, подчинившихся их влиянию, из местного обученного грамоте люда или не окончивших курса в разных учебных заведениях, все это с примесью достаточного числа лиц женского пола». Отвергнув жалобу земского собрания на поведение полиции и духовенства во время волнений вятских учащихся 9—14 февраля и совсем, как Булыгин, оценивая действия полиции («полиция вела себя вполне сдержанно и не только не проявляла неприязненного отношения к учащимся, а, напротив, принимала меры, чтобы предупредить насильственные действия над ними со стороны народа и запасных солдат, которых раздражало своеволие подростков»), губернатор заключал: «Что касается деятельности полиции и духовенства, направленной противу довольно распространенной в Вятской губернии благодаря политическим ссыльным тайной пропаганды, направленной к ниспровержению существующего общественного и государственного порядка и замене его социалистической республикой, то я не могу допустить, чтобы земское собрание, если бы оно было достаточно осведомлено, могло жаловаться на эту охранительную деятельность полиции и духовенства».⁷ Здесь все было знаменательным — и упрек земцам в том, что собранию импонировало поведение публики (если только это не было неправильным словоупотреблением и не должно было, наоборот, означать сочувствия публики собранию), и признание раскола в земской среде, и выразительное указание на то, что либеральная оппозиция и революционная демократия чужды друг другу, подкрепленное упоминанием о полученном председателем предметном уроке, и, наконец, отечески-назидательное полуувещание либералам, полуизвинение за них перед начальством — они-де просто не ведают, что творят,

⁷ Там же, л. 302 и след.

ибо не могут же быть на самом деле против полиции, борющейся с революцией.

Обстановка, в которой петиции принимались, придавала включившимся в них требованиям особый смысл, и, переходя к их рассмотрению, этого нельзя не учитывать.

Прежде всего требованию проведения государственных преобразований придавался характер безотлагательного дела (Великолукская городская дума, жители с. Лыскова Макарьевского уезда Нижегородской губернии, Таврическая губернская земская управа, Смоленская, Ростовская-на-Дону, Ревельская, Саратовская, Рыбинская, Ставропольская, Поворосийская, Керченская, Херсонская, Полтавская, Владикавказская, Тверская, Томская и Красноярская городские думы, Яцыновское общество сельского хозяйства Лохвицкого уезда Полтавской губернии, Гдовское сельскохозяйственное общество, Могилевское общество сельского хозяйства, состоявшее под покровительством вел. кн. Михаила Александровича Щигровское общество сельского хозяйства).⁸

Общим для многих ходатайств было требование немедленного созыва учредительного собрания. Помимо уже упоминавшегося Кириачского общества трезвости этого требовали Камышанское сельскохозяйственное общество Миргородского уезда Полтавской губернии, связывавшее свое требование с «изменением существующего строя на новый», Велико-Сорочинское сельскохозяйственное общество, считавшее необходимым предоставить учредительному собранию выработку не только «основного закона об организации и деятельности постоянного представительного собрания», но и «всех основных прав русского гражданина», Московская, Костромская, Каменец-Подольская, Оренбургская, Астраханская городские думы, группа жителей Вятки, Новочеркасское отделение Российского технического общества, Таганрогская комиссия Общества содействия народному образованию, крестьяне Дмитриевского сельского общества Иваповской волости Воронежской губернии и уезда, Общество сельских хозяев Хоперского округа области Войска Донского и др. «В учредительном собрании представители народа должны выработать все законы для страны», — говорилось в «Программе государственных реформ, выработанных общим собранием членов Алексеевского сельскохозяйственного общества Бузулукского уезда». Вологодские городская дума и губернское земское собрание заявляли, что учредительное собрание «должно иметь решающий, а не совещательный голос и ему должно быть предоставлено выработать основной государственный закон и решение вопроса о мире и войне». Нижегородское уездное земство представило губернатору для передачи министру внутренних дел свой доклад о созыве учредительного собрания и о допущении своих представителей в булыгинскую комиссию, имеющую-де целью выработку порядка выборов в него.

⁸ Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 275, 293, 310, 187, 199, 200, 197, 203, 206, 273, 193, 312, 313, 325, 141, 231.

Когда же губернатор не взял доклада, оно направило его председателю Совета министров на основании указа 18 февраля.⁹

Если общее отрицание булыгинского проекта находим лишь в упомянутом решении Смоленской городской думы, то острая критика его получила самое широкое распространение. Недостаточность представительства с совещательными правами подчеркивали, требуя предоставления ему законодательных прав, не только Смоленская, но и Костромская, Владимирская и, наконец, Московская¹⁰ городские думы. Такие же требования выдвигали, как об этом уже упоминалось в предыдущей статье, Рогачевское общество сельских хозяев, Остерское земское собрание, Диканьское сельскохозяйственное общество Полтавской губернии, а также чрезвычайное Сызранское уездное земское собрание, предусматривавшее утверждение царем выработанных представительством законопроектов, крестьяне Сумской волости,¹¹ группа лиц, назвавших себя «гражданами Тихвинского уезда», судские крестьяне-домохозяева.¹² В «интеллигентских» петициях были более разработаны лишь упоминавшиеся или подразумевавшиеся в других такие права будущего представительства, как законодательная инициатива, контроль над действиями исполнительной власти, утверждение бюджета, объявление войны и мира (Юридическое общество при Казанском университете, Саратовское отделение Русского технического общества, Общество врачей Южно-Уссурийского края).¹³ Довольно широкое распространение имело требование прекращения войны с предоставлением представительству решающего голоса в вопросе о мире (всеподданнейший доклад крестьян с. Бровнич, Ильинское общество сельского хозяйства, Малмыжское сельскохозяйственное общество, Общество вспомоществования торгово-промышленному труду в г. Саратове). Кроме уже упоминавшихся в этой связи вологодских городской думы и губернского земского собрания решения вопроса о мире срочно созванным представительством или учредительным собранием требовали Костромская и Красноярская городские думы и общее собрание членов Общества попечения о начальном образовании Амурской области.¹⁴ Насколько велик был разрыв между требованиями петиций, даже самыми умеренными, и той мерой уступок, на которую было согласно правительство, видно на примере вопроса

⁹ Там же, л. 144—147, 327, 191, 201, 241, 244, 199, 218, 231, 277, 314, 326, 143, 232.

¹⁰ Московская городская дума требовала представительства из двух палат — первой, избранной всем населением, и второй, составленной из преобразованных на демократических началах органов местного самоуправления.

¹¹ Наставная на созыве выборов, крестьяне добавляли: «Пусть они и нашиют законы, т. к. нам дальше жить так нельзя».

¹² ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 191, 308, 327, 300, 310, 301, 307, 314, 145.

¹³ Там же, л. 141—142.

¹⁴ Там же, л. 312, 314, 325, 328, 191, 193; ф. 1276, оп. 1, д. 17, л. 41. — Частные лица также позволяли себе высказываться за или против мира, покушаясь тем самым на одну из важнейших прерогатив самодержавия (там же, д. 7, л. 174, 181; д. 12, л. 189 и след.).

о Булыгинской комиссии и ее составе. Петиционеры для внесения «успокоения в настроение общества и народных масс» добивались допуска в нее выборных представителей земств и городов, а царь и не думал созывать ее.

Созыв представительства был главной темой едва ли не всех петиций, и хотя во многих из них речь шла об ответственности перед ним исполнительных властей, вторая из разрабатывавшихся в официальных сферах государственных реформ — создание объединенного правительства — была прямо упомянута всю в одной известной нам петиции, подписанной инициалами. С. К. Витте как кандидат на пост главы правительства не был в ней назван по имени, но по всем признакам имелся в виду именно он.¹⁵

Два требования — предварительное, до созыва представительства, предоставление всему населению политических и гражданских прав, а также введение четырехдневки (сколько-нибудь частые изъятия делались лишь по отношению к прямому голосованию) — носили почти всеобщий характер. Сочетавшиеся побольшей части с требованиями придания представительству законодательных прав и установления ответственности перед ним министров, они действительно означали, как указывалось в обращении Камышинского сельскохозяйственного общества, «изменени существующего государственного строя на новый».¹⁶

В сущности содержание большинства петиций сводилось к требованию конституционной монархии, хотя прямо оно ни в одной из них не фигурировало. При этом цель лидеробуржуазной оппозиции состояла в том, чтобы не только самим не затонуть основ социально-экономического строя страны, но и оградить его от натиска революции. Это сказалось прежде всего в том, что лишь крестьянская демократия рассматривала созыв представительства как средство проведения глубоких социальных преобразований. Но и политические требования либеральной оппозиции были, как мы видели, неприемлемы для царизма. А широкое участие петиционной кампании демократической интеллигенции, в частности народных учителей, врачей, передовых земских деятелей и служащих, делало ее радикализм совершенно для него непереносимым. В петициях были отражены такие стороны российской действительности, публичное обсуждение которых имело большое обличительно-агитационное значение. Таков был весь круг вопросов, связанных с народным просвещением, особенно в деревне. Во многих петициях не только «прозвонил» всеобщий правящей бюрократии, но и вся правительственная политика в области просвещения, включая законодательство о школе, была определена как сознательно направленная на недопущение просвещения народа. Уфимское губернское земское собрание представило подробный очерк ужасного положения народных школ и библиотек. «Расширение программ и вообще развитие всей учебно-воспитательной стороны народной школы был отнят от земства с са-

¹⁵ Там же, д. 12, л. 168 и след.

¹⁶ Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 144.

мого начала его существования, — говорилось в очерке: — Положением о начальных народных училищах 25 мая 1874 г. . . . деятельность земства в данном отношении строго нормируется и ему предоставлена скромная роль — нести одни материальные заботы о народной школе. До издания этого положения вопрос о программе народной школы был не нормирован правительством и разрешался местными деятелями более или менее свободно. . . . Общество выдвинуло тогда целую плеяду замечательных деятелей по народному образованию, как-то Пирогов, Ушинский, Модзалевский, Водовозов, Стоюшич, Корф, Бунаков и др. Трудями их и земских деятелей первых призывов, не стесненных еще той массой ограничений, какие последовали с конца 70-х гг., был создан мало-помалу тип общественной пореформенной школы, известной у нас теперь под названием земской. Сведение до возможного минимума механического элемента обучения и расширение общеобразовательного составляет ее отличительную черту. К сожалению, все это скоро прекратилось и постепенно земство было совершенно отстранено от всякого участия в учебно-воспитательной стороне народной школы». ¹⁷ Кроме закона божьего, чтения, письма и четырех действий арифметики, пения, гимнастики и ремесел, не разрешалось преподавать ничего другого — так излагалось положение в решении Уфимского земского собрания. В нем констатировалось политическое бесправие учителей с сопровождавшими его доносами, обысками, за которыми следовало изгнание из школы. Несмотря на точное указание уездов, где такие факты имелись, Польде пометил: «Без указания на факты является обвинением недоказ[анным] и потому производит нехорош[ее] впечатл[ение]». Между тем он не мог не знать и о другой петиции — Ржевского общества взаимопомощи учащихся и учителей, в которой со ссылкой на циркуляр Министерства народного просвещения, запрещавший учителям «собираться хотя бы в количестве десяти человек», было прямо сказано, «что каждый из них боится посетить другого, подпасть под кару за незаконное собрание». ¹⁸ В уфимской петиции выражался также протест против ограничительных мер по отношению к учительским съездам, разрешавшимся администрацией лишь без участия представителей земств, без права голосования и принятия постановлений, против церковного влияния на начальные школы.

Еще более плачевно обстояло дело с внешкольным образованием, в частности с народными библиотеками, в которые Министерство народного просвещения и духовные власти допускали лишь часть существовавшей и выходившей литературы. В уфимской петиции эта часть определялась как десятая. Эта и другие петиции (особенно Енисейского общества попечения о начальном образовании ¹⁹) рисовали потрясающую картину духовного насилия над трудящимися. Министерские каталоги книг, разрешенных в школьно-народных библиотеках, в значительной части состояли из книг, издан-

¹⁷ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 14, л. 21—32.

¹⁸ Там же, д. 24, л. 191 и след.

¹⁹ Там же, л. 5—9.

ных в 60—70-х, иногда даже в 50-х гг. В них фигурировали лишь некоторые произведения Тургенева, Толстого, Достоевского. Короленко, Горький, Чехов были вовсе исключены, как и другие выдающиеся писатели того времени. Отсутствовали издания законов. Газеты были представлены лишь органами консервативного направления — «Московскими ведомостями», «Светом» и «Новым временем». Даже «Сельский вестник», издававшийся правительством для монархической агитации среди крестьян, одно время был запрещен для народных библиотек. В них разрешалось иметь газеты и журналы специального содержания, без публицистических и литературных отделов и приложений, среди которых были такие, как «Вестник русского пивоварения», «Зодчий», «Счетоводство», «Электротехник», «Археологические известия» и даже модные журналы. Специальный каталог книг для проведения коллективных народных чтений был составлен таким образом, что допущенными к чтению оказывались только книги, предназначенные для детей 8—12-летнего возраста. Речь шла, как заявляло Общество попечения о народном образовании в Красноярске, о сознательном увековечении невежества властями.²⁰ «Зачитаешься и с пути собьешься», — так сформулировал старые допетровские понятия о том, что «мужику образования не нужно», петиционер, назвавший себя «бедным неученым рабочим».²¹ Сам того не подозревая, этот петиционер был совершенно прав применительно не только к допетровскому времени. На июльских совещаниях в Петергофе царь заявил, что предпочитает неграмотных крестьян с «цельным мировоззрением».²²

Реформы в области народного просвещения, как правило, связывались в петициях с требованиями государственных преобразований. И хотя реформы и широко распространенное требование уравнивания крестьян в правах с другими сословиями в петициях прямо не связывались, но, надо полагать, эта связь имелась в виду.

Обращаясь теперь к известной нам 161 крестьянской петиции из общего числа, составляющего, по нашим подсчетам, 618, отметим прежде всего, что среди них мы обнаружили всего 4 с совпадающими текстами.²³ Это обстоятельство, как и особенности языка и стиля многих петиций, позволяет со значительной степенью определенности считать их по большей части непосредственными результатами крестьянского творчества или достаточно полно отражающими кре-

²⁰ Там же, д. 14, л. 2—4.

²¹ Там же, д. 12, л. 191 и след. — «Сельский учитель без всяких прав на народное образование, — писал он. — Его дело — учить ребятшек грамоте, а как только они сделаются юношами, то ему возбраняется с ними и сходитьсь, тем более говорить о книжном чтении». Библиотечный совет Верхозимской народной читальни-библиотеки Петровского уезда Саратовской губернии, требуя отменить все ограничения, в том числе «скудный как по количеству, так и по содержанию каталог книг для народных библиотек», призвал дать народу действительно настоящую духовную пищу, а не такие возмутительные суррогаты, как ситинские и лубочные издания» (там же, д. 9, л. 140).

²² Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 241.

²³ Речь идет о петициях из деревень Александровского уезда Екатеринбургской губернии (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 40, л. 41—47).

стьянские взгляды и настроения. В отличие от того как обстояло дело в Прибалтийском крае, где в петиционной кампании большую роль играли типовые проекты петиций, в общероссийском масштабе такие проекты крестьянских петиций и приговоров появляются к концу лета, когда петиционная кампания по указу 18 февраля уже закончилась.²⁴

Разумеется, политическая агитация различных направлений, проводившаяся в деревне, влияла на содержание петиций. Однако фактами о прямом влиянии на текст петиции со стороны ее составителей из некрестьянской среды мы не располагаем, кроме описанного Столыциным (да и то ему в сущности не удалось это установить) и одного случая составления по доверенности крестьян ходатайства консервативного толка. В большинстве случаев, вероятно, писарь или другой грамотный человек составлял петицию с участием крестьян, а затем она ими принималась. Так, описывая в ответ на запрос Нольде процедуру составления петиции крестьян Александровского уезда Екатеринославской губернии, губернатор сообщил, что заявленное было составлено студентом Петербургского университета Т. В. Калениченко, приехавшим к своей жене, сельской учительнице, прочитано писарем на сельском сходе, подписано и отправлено одним из крестьян.²⁵

Тем более знаменательны появления в крестьянских петициях таких требований, как выборность полиции,²⁶ и в целом весьма широкая распространенность в них общеполитических требований. Только немногие петиции были посвящены исключительно крестьянским нуждам, главным образом безземелью.²⁷ Представленные, разумеется, и в других петициях требования, связанные с поземельными отношениями, отражали дифференциацию в крестьянской среде, рисовали реалистическую картину деревенской жизни и на самом деле отнюдь не носили аполитичного характера.

Как уже отмечалось, характерным для крестьянских петиций было отношение к созову представительства как средству проведения социально-экономических преобразований. Так, 74 крестьянина Дмитриевского сельского общества Ивановской волости Воронежского уезда требовали, чтобы представительство провело наделение крестьян землей посредством отчуждения казенных, церковных и частновладельческих земель, облегчило арендную плату, установив ее законодательным путем, ввело подоходный налог, уравнило крестьян в правах с другими сословиями и ввело для них всеобщее народное образование с тем, чтобы они могли получать среднее и выс-

²⁴ Буховец О. Г. Приговорное движение крестьян в 1905—1907 гг. М., 1984. С. 70 и след. — Диссертация, защищенная в МГУ.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 25, л. 423.

²⁶ См., например, петицию крестьян с. Миролюбовки Екатеринославской губернии (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 23, л. 239).

²⁷ Прощение безземельных крестьян с. Петровского Благодаренского уезда Ставропольской губернии 26 марта // ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 8, л. 90 след.; Приговор 35 (из 52) домохозяев хутора Зарудновского Андрияшевской волости Лохвицкого уезда Полтавской губернии // Там же. д. 18, л. 150.

шее за казенный счет. Это были требования, носившие наиболее распространенный характер. Такие же задачи (в различных сочетаниях) ставили перед представительством чрезвычайное Сызранское уездное земское собрание, Диканьское, Сумское и Лопатинское сельскохозяйственные общества, крестьяне Захаровского сельского общества Херсонской губернии. Крестьяне с. Бровнич заявляли, что представительство должно дать образование, землю, свободу.

Ильинское общество сельского хозяйства Владимирской губернии подчеркивало, что только народное представительство может провести внутренние реформы, без которых невозможно улучшение сельского хозяйства. Требуя созыва представительства с законодательными правами на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, крестьяне деревень Двоенки и Ключи Большедмитриевской волости Аткарского уезда Саратовской губернии заявляли: «Только такие выборные могут нас вывести из нищеты». В ходатайстве же крестьян сел Сластуха и Галахова того же уезда хотя и предлагалось осуществить меры по улучшению положения крестьян и другие реформы, намеченные указом 12 декабря 1904 г., силами представительства, но подчеркивалось, что «тем самым» имелось в виду «укрепить непоколебимость самодержавия». Возникновение крестьянских волнений приписывалось здесь интеллигентам и инородцам, отстаивалось крестьянское представительство с антагемской направленностью и проведением выборов в присутствии назначенного губернатором чиновника. Это был единственный случай крестьянского ходатайства такого рода, да и то есть основания считать его фабрикацией, так как ходатайство было составлено не назвавшимся лицом, заявлявшим, что действует по доверенности крестьян.

То обстоятельство, что осуществление заветных крестьянских чаяний связывалось в крестьянских петициях не с монаршей милостью, а с созывом представительства, само по себе указывало на процесс изживания монархической идеологии. Крестьянский цезаризм в сохранившихся его элементах приобретал формальный характер. Просьбы царской «милости насчет земли» часто сочетались с общеполитическими требованиями весьма радикального содержания.²⁸

Даже в том случае, когда уравнивание крестьян с другими сословиями и предоставление гражданских прав ожидалось от царя

²⁸ См. приговор трех обществ с. Обуховки Сногостьской волости Рыльского уезда Курской губернии (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 18, л. 50). Как пример осознания антикрестьянской сущности структуры самоуправления в деревне следует привести заявление гласного Можайского уездного земского собрания Московской губернии крестьянина д. Ново-Поречье Т. Д. Маякина. Земство, писал он, не может считаться выразителем крестьянских нужд, так как крестьянское представительство в нем ограничено и зависит от влияния земских начальников и подбора предводителями дворянства или председателями управ. Крестьяне, добившиеся самостоятельности (получившие образование, кушцы и др.), вынуждены выходить из состава сельских обществ. Поэтому он предлагал для выяснения крестьянских мнений созыв сельских сходов (там же, д. 7, л. 31—36).

(«Просим мы тебя. . . чтобы никто нас не мог наказывать и подвергать заключению без суда по своему усмотрению. Дай ты нам те же права, что и другим сословиям», — писали крестьяне д. Медведчиково Тверской губернии), обращенная к царю просьба сопровождалась требованием свободных, без вмешательства начальства, выборов представителя. Сквозь цезаристскую фразеологию видны были элементы формировавшегося классового и революционного крестьянского самосознания. Так, если в большинстве крестьянских ходатайств крестьянские волнения оцениваются как бы с сожалением, то крестьяне с. Мегры Белозерского уезда Новгородской губернии, резко выступая против «всего чиновного начальства и ближайших государевых советников», употребляли иную формулировку — «внутренние крестьянские и кровавые рабочие волнения, весьма нам понятные, и современная несчастная, но бесконечно поучительная война с Японией».²⁹ А крестьяне с. Бобрицы Каневского уезда Киевской губернии, проведя в обращении к царю разницу между «крамолой» и «смутой», писали: «Крамоле мы чужды, не допустим ее в свою среду. . . Но. . . смута и у нас есть, и есть она уже давно. Да как ей и не быть. . . когда, несмотря на весь труд, приходится голодать, видеть голодных деток, как тут не быть смуте. . . дай нам земли».³⁰ «Если же голос наш услышан не будет, то принуждены будем сами позаботиться об улучшении своей участи», — открыто угрожали крестьяне с. Заовражья Прямухинской волости Новоторжского уезда Тверской губернии.³¹ Крестьянин И. Болтышев с. Пичнева Моршанского уезда просил «названия сословий уничтожить, а назвать все население „гражданами Российской империи“, и было бы общее братство. . .». В еще более резких выражениях требовал этого, протестуя против «гнета полицейской и административной опеки», неназванный крестьянин с. Спас-Клепики Рязанского уезда. Выборные от сельских обществ Черниговской губернии, требуя установления ответственности всего правительственного аппарата — от министров до мелких чиновников — перед «народными выборными», с вполне очевидным сарказмом мотивировали это тем, что «у батюшки-царя не хватит силы» за всем усмотреть. А крестьяне Нагаткинской волости Симбирского уезда заявляли, что не соответствующий их «скудному имуществу» сословно-имущественный ценз «поведет к преобладанию влияния в будущем представительном собрании имущего класса над неимущим сословием».³² Петиция крестьян 1-го Долгопольского общества Высоко-Осельской волости Васильурского уезда Нижегородской губернии, в которой подробное перечисление крестьянских нужд, включая необходимость ограничения частного землевладения в пользу безземельных и малоземельных крестьян, сопровождалась всего одним заявлением общеполитического характера —

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 277, 307, 301, 274, 313—314, 330, 318, 309.

³⁰ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 9, л. 34.

³¹ Там же, д. 23, л. 311.

³² Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 133—134, 222, 243, 223.

«желаем иметь в России единодержавную власть монарха», — была едва ли не единственной.³³

Следует отметить и угасание веры в крестьянский цезаризм в среде традиционалистов-охранителей. Автор одной из выдержанных в этом духе единичных петиций дворянин Трубников заявлял о преданности монархии не крестьянства, как было принято говорить в этой связи ранее, а «всего земледельческого класса населения». «Конституционное правление» он объявлял непригодным «для такого обширного государства, как Россия», ввиду того, что при нем власть «по халатности русских» перейдет к инородцам. Предлагая созыв Земского собора, избранного на соборах по группам населения, он тем не менее боялся даже такого представительства и требовал собрать его «в какой-либо Костроме, Вологде или другом таком в стороне лежащем городе и указать точно, какие вопросы подлежат его обсуждению, запретив обсуждение других, и не устанавливая никаких периодических соборов».

Националистические оттенки верноподданнических мотивов вообще наблюдались в немногих ходатайствах, в том числе в уже упомянутых двух крестьянских ходатайствах (радикальных по общему своему смыслу) Захаровского сельского общества Херсонской губернии и Дмитриевского сельского общества Ивановской волости Воронежского уезда, а также в решениях чрезвычайного собрания дворян Донской области, частного совещания гласных Бугульминского уезда и нескольких письмах отдельных лиц.³⁴ Мы уже видели, впрочем, что удельный вес воинствующе консервативных и тем более неприкрыто реакционных требований вообще был невелик, их влияние на общий смысловой баланс петиционной кампании незначительно. Отражающим как бы среднеарифметический вариант суммы требований (без социально-экономических) являлось постановление Московского совещания представителей городских дум 15—16 июня. Оно предусматривало «введение в России народного представительства на конституционных началах». Имелось в виду дать ему решающий голос в вопросах законодательства, государственного бюджета, ввести ответственность министров перед ним, предоставив ему права контроля над действиями администрации и законодательного почина. Совещание подчеркивало недопустимость промедления, неудовлетворительность булыгинского проекта, протестовало против отстранения общественников от его разработки, требовало немедленного провозглашения гражданских свобод.³⁵

Уже к концу июня, когда Совет министров завершил рассмотрение булыгинского проекта, петиционный поток показывал, что этот проект не соответствует даже вполне умеренным требованиям либеральной оппозиции.³⁶ Что же касается общей радикальности содер-

³³ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 23, л. 260.

³⁴ Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 136, 332, 291, 267, 293.

³⁵ Там же, л. 277.

³⁶ Несмотря на полную легальность петиций и составление их свода, ни Совет министров, ни Петергофские совещания в сущности как бы не желали придавать им значения. Совет министров, вероятно, под влиянием неоднократно

Число и характер требований в петициях различных организаций и частных лиц

Требования, содержащиеся в петициях	Губерн. земские собр. и управы	Уездные земские собр. и управы	Городские думы	О-ва сельского хоз-ва	Предприним. орг.	Дворянские собр.	Крестьян. сельс. о-ва и школы, деревен. о-ва сельс. хоз-ва, отд. крестьяне	Рабочие	Различные частные лица	О-ва содействия народному просвещению и другие орг.	Различные общества и профессион. группы	Всего
Созыв представительства	11	12	39	19	4	6	76	2	16	22	24	231
Немедленный созыв представительства	5	6	21	3	—	1	20	—	2	2	5	65
Представительство с законосовещательными правами	1	—	—	1	1	3	—	—	4	—	2	12
Представительство с законодательными правами	—	5	9	3	—	2	11	—	1	6	4	41
Права представительства:												
утверждение бюджета	4	5	5	—	2	5	—	—	—	6	1	28
контроль над администрацией	—	5	9	7	2	2	7	—	—	8	3	43
законодательная инициатива	2	3	5	1	—	—	3	—	1	3	1	19
Выборы представительства и учредительного собрания всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием	2	6	12	12	1	1	37	1	1	36	20	129
Выборы по сословиям	—	—	—	—	—	1	1	—	4	—	—	6
Имущественный ценз	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2
Избрание представителей от существующих учреждений	1	2	—	—	1	1	1	—	2	—	—	8
Участие в булыгинской комиссии представителей земств и городов, выборных	4	5	5	9	2	—	4	—	1	—	5	35
Объединенное правительство	—	—	—	2	—	—	—	—	1	—	—	3
Объединенное правительство, ответственное перед представительством	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	2
Созыв учредительного собрания	—	—	4	1	—	—	7	—	2	26	4	44
Проведение преобразований учредительным собранием или представительством	1	2	3	1	—	—	9	1	1	1	1	28
Предоставление гражданских свобод	6	8	18	14	3	5	39	1	6	35	18	153
Политическая амнистия	—	—	2	3	—	—	4	1	—	9	5	20
Отмена усиленной охраны	—	1	2	5	—	—	2	1	—	5	4	20
Выборность полиции, подчинение ее земскому, городскому самоуправлению	—	—	2	2	—	—	5	—	—	1	3	12
Упразднение сословий, сословных привилегий и национальных ограничений	—	1	3	1	2	—	16	1	130	3	6	163
Уравнение крестьян в правах с другими сословиями	—	2	2	—	—	—	29	—	2	—	—	35
Прогрессивный подоходный налог	—	2	1	2	—	—	20	1	2	5	1	34
Наделение крестьян землей путем отчуждения части казенных, церковных и помещичьих земель за государственный счет и другие способы решения аграрного вопроса	—	3	3	2	—	—	30	1	8	4	—	51
Земля — тому, кто ее обрабатывает	—	—	—	—	—	—	9	—	—	—	—	9
Отмена выкупных платежей	—	—	—	1	—	—	10	—	1	3	—	15
Переселение на свободные земли за счет казны	—	—	1	—	—	—	6	—	—	—	1	8
Облегчение для крестьян условий кредитования в крестьянском банке и других форм кредита	—	1	1	1	—	—	5	—	3	—	—	11
Объявление частновладельческих, казенных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных земель общегосударственными с предоставлением доступа к ним всем желающим заниматься земледелием	—	—	—	—	—	—	3	—	1	2	—	6

Требования, содержащиеся в петициях	Губерн. земские собр. и упр. авы	Уездные земские собр. и упр. авы	Городские думы	О-ва сельского хоз-ва	Предприним. орг.	Дворянские собр.	Крестьян. сел. хоз-ва и сходы, деревен. о-ва сельск. хоз-ва, отд. крестьяне	Рабочие	Различные частные лица	О-ва содействия народному просвещению и другие орг.	Различные обществ. и профес. группы	Всего
Рабочее законодательство, 8-часовой рабочий день	—	—	2	1	—	—	3	1	2	2	—	9
Упразднение земских начальников, замена их выборными судьями	—	—	1	—	—	—	16	1	—	—	—	18
Введение бессословной волости как местного учреждения обществ. самоуправления	—	1	—	2	—	—	9	—	2	2	—	16
Демократизация народного просвещения	2	2	4	3	2	—	34	2	3	16	4	72
Прекращение войны	—	—	—	1	—	—	6	1	1	20	2	31
Реформа земских учреждений (освобождение от административной опеки и т. п.), введение их в неземских губерниях	1	2	2	3	1	1	10	—	1	3	3	27
Реформа городского самоуправления	—	—	3	2	—	1	1	—	—	3	3	13
Возражения против преобразований, усиление карательной и революционно-националистической политики	—	1	—	—	—	1	3	—	26	—	2	33

жания петиций, то она была в конечном счете обусловлена усиливавшимся размахом и углублявшимся характером массового революционного движения. Продолжавшаяся в течение второй половины мая и всего июня Иваново-Вознесенская стачка, в ходе которой был создан первый в истории Совет рабочих депутатов, лозунг «Долой самодержавие!» стал единодушным требованием массы, а около 200 рабочих под влиянием большевиков вступили в РСДРП, борьба пролетариата Лодзи и других городов Царства Польского, достигшая кульминации к концу июня, разгромы помещичьих имений в Саратовской, Харьковской, Воронежской губерниях, стачки крестьян и батраков во время уборки хлебов в различных районах Украины, Степного Юга, Белоруссии, Черноземного центра, наконец, восстание на «Потемкине» с его влиянием на солдат и матросов в других местах — все эти события прямо и косвенно сказывались на характере включавшихся в петиции требований. Сопоставление содержания петиций с общеполитическими требованиями революционных листовок и резолюций рабочих собраний, основанными на программе-минимум РСДРП, наглядно показывает это.³⁷

Разумеется, совпадение ряда требований (учредительное собрание, избираемое по четыреххвостке, однопалатное законодательное собрание с правами установления налогов, утверждения бюджета, ответственностью перед ним министров, отмена сословий, гражданские свободы, прогрессивный подоходный налог и др.) не отменяет принципиальной разницы между обращениями к массам с революционными призывами к свержению самодержавия, установлению демократической республики, созыву представительства временным революционным правительством, борьбе за победу социализма и т. п., с одной стороны, и реформаторскими петициями — с другой. Сравнительный анализ целей самодержавного реформаторства, либеральных и демократических требований дан В. И. Лениным в написанной им листовке «Три конституции или три порядка государственного устройства».³⁸ В свете ленинского анализа, выявляющего значение общеполитических требований для борьбы пролетариата, особенно очевидны принятые петиционной кампанией под влиянием революции демократические черты, в частности требования всеобщих, прямых, равных и тайных выборов и подчинения полиции органам самоуправления.

Перейдем теперь к подсчетам общего числа петиций и повторяемости в них отдельных требований. Общее число петиций мы определяем в 618, в том числе 127 петиций, которые, как отмечено в ме-

---

повторенного в них требования учредительного собрания даже выразил опасение, что Земский собор, раз собравшись, не пожелает расходиться. Впрочем, известное влияние петиции могли иметь на позицию царя, не пожелавшего на Петергофских совещаниях безоговорочно поддержать полных противников реформаторства.

³⁷ Революция 1905—1907 гг. в России: Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель—сентябрь: Документы и материалы. М., 1961. Ч. 2, кн. 1. Док. 50, 52, 58, 60, 105, 110, 171.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 332—334.

мории, были заявлениями о солидаризации с одной из петиций из Царства Польского. При подсчете не принимались во внимание петиции прибалтийских крестьян, специально нами рассмотренные,³⁹ а также посвященные таким вопросам, как разрешение вдовым священникам вступать во второй брак, меры против конокрадства, предложения лотерей, судебные жалобы, крестьянские нужды чисто местного характера и т. п. Петиции, содержание которых осталось нам неизвестным, учитывались. Как уже указывалось, из 618 петиций 161 была крестьянской.⁴⁰

Повторяемость требований в различных группах петиций, содержание которых нам известно (о некоторых мы знаем лишь по упоминаниям в ведомостях), и во всем их корпусе может быть выражена с помощью приводимой таблицы. При обращении к ее данным следует иметь в виду, что некоторые из требований в тех или иных сочетаниях фигурировали в решениях различных общероссийских организаций и съездов и распространялись печатью и что эти решения и сообщения печати служили источниками при составлении петиций.

И. В. АЛЕКСЕЕВА

**К ИСТОРИИ ОДНОЙ ПОЕЗДКИ.
ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОПУБЛИКОВАННОГО ДНЕВНИКА
П. Н. МИЛЮКОВА
(август—сентябрь 1916 г.)**

Отношение России с ее союзниками к середине 1916 г. оставляли желать лучшего. Смена главы Министерства иностранных дел, проводника «антантофильской» политики и одного из творцов Антанты С. Д. Сазонова, на одиозную в глазах общественного мнения Англии и Франции фигуру Б. В. Штюрмера, слухи о «сепаратных» веяниях в русских правительственных кругах, бешеная антианглийская кампания, поднятая в правой печати, — все это осложняло положение России в Антанте. В правительственных кругах Англии и Франции постепенно крепло убеждение в необходимости дальнейшего упрочения связей с лидерами русской буржуазной оппозиции, в которых союзники начинали видеть единственных реальных (в противовес официальной России) своих сторонников. Успех русской парламентской делегации, посетившей страну Согласия весной 1916 г., и

³⁹ Ганелин Р. Ш. Петиции эстонских, латвийских и литовских крестьян по указу 18 февраля 1905 г. // ВИД. Л., 1987. XVIII. С. 195—208.

⁴⁰ Ряд крестьянских ходатайств, не вошедших в число рассмотренных Нольде, Особым присутствием и Сольским, см.: Революция 1905—1907 гг. в России: Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Апрель—сентябрь. М., 1957. Ч. 1. Док. 403, 428, 462, 465, 478, 479, 484, 501, 525, 562.